

Лопнувшая струна

Улетел от нас в непонятную даль — умер в Барнауле — омский поэт Вильям Озолин.

Я не ошибся, написав слово «омский», хотя хорошо помню, что уехал он из нашего города еще в самом начале 70-х. Озолин тогда не просто уехал — город выдавил его, неугольного, неудобного своей естественностью, своей привычкой жить размашисто, без оглядки на кого бы то ни было.

Он уехал, но он остался здесь. Письмами и звонками многочисленным омским друзьям, радиопередачами и публикациями в периодике, а главное — самой душой, самими корнями своего творчества.

Да, была Чита, был Барнаул. Но было постоянное — вначале скрываемое, а потом уже и открытое — стремление вернуться. Он и вернулся бы, говорил об этом в последнее время как

о ближайшей реальности. Не успел. Не пустила болезнь.

В последний раз он приезжал к нам в 95-м — на III Мартыновские чтения. Леонид Мартынов — человек, тоже выдавленный неумной властью и ее прихлебателями из родного Омска, — был не просто его любимым поэтом, но и учителем, другом загубленного в конце 30-х отца.

В этот последний приезд Озолин, казалось, готов был разорваться на части: поэтический вечер, презентация книги, спектакль, чаепитие в музее К. Белова, запись на радио, встреча в литмузее им. Ф. М. Достоевского... Он побывал всюду, участвовал во всем. И везде читал стихи — именно те, которые сейчас прочтете и вы. Прощаясь, я взял тогда эти несколько листочков на память. Кто ж знал, что пригодятся они вот для этого случая...

Собрал и разложил по хронологии его письма, полученные за долгие двадцать пять лет. Весело разрисованные цветными фломастерами, в последние годы они во многом стали тревожными и горькими: хаос в стране, хаос и предательство в писательских делах.

Он много работал в последнее время: рассказ в «Новом мире», сборник стихов, еженедельные эссе на свободную тему в местной газете, обязанности члена редколлегии журнала «День и ночь»...

Говорят, остается следственное, остаются стихи... Все так. Но это слабое утешение для тех, кто знал и любил его живого — распахнутого, неповторимого, щедро на дружбу.

Быстро идет время. Сердца наши по-прежнему полны слез...

А. ЛЕПФЕР.

Вильям ОЗОЛИН

Кто по издательским скитался коридорам,
Кто был знаком со славой и позором,
Тот должен знать особенность одну
Издательского дела:

как бы смело

Ни вел ты свой корабль на волну,
Какие бы метафоры и рифмы
Твои б ни украшали паруса,
Ты все равно напорешься на рифы
Редакторского вкуса...

Чудеса!..

Но я привык к ним. И когда однажды,
Горя от нетерпения и жажды
Увидеть напечатанный свой труд,
И прискакал в издательство...

То тут

Возникли вдруг те самые препоны,
О коих я поведал вам...
Горгоны, поверьте мне, —
Как птички Петипа,
Нежнейшие, добрейшие натуры
В сравненьи с отвратительной фигурой
Редактора, в чьи лапы я попал.

Нет — внешне он был малым
современным...

И чисто выбрит, и одет отменно,
И вежлив был со мною.

Лишь одно

Смушало обстоятельство:
Уж очень
Он к словарям был сильно скособочен!
Что было мне: хоть мудро, но чудно!
Не нравились ему слова простые,
Похожие на заросли густые.
Иную он лелеял красоту!
Вычеркивал он все слова и мысли,
Те, без которых мы себя не мыслим —
Увы! — ни на работе, ни в быту.
Вы б слышали, как он нудел безбожно!
С ним столкнуться было невозможно.
Мы были антиподы — он и я:
Он был с филфака. Я же был матросом.
И для меня язык мой был вопросом
Стилистики во славу бытия.
И я сказал ему:

— Я автор. Это значит —

Никто меня уж
не переначит!

Мне совесть судия и чистый лист!
Но тут уж он не выдержал и взвился,
И волосат стал, будто и не брился:
— К чему ты призываешь, скандалист?!
— Я призываю — лозунг мой

аршинный, —

Чтоб, разумеется, без всякой матерщины,
Все, чем богат народный наш язык,
Без всяческой усучки и утруски
Вошел в литературу —

коль он русский,

Могучий, вольный, добрый наш язык.

УШЕДШЕМУ ДРУГУ

Евг. Раппопорту

Инфаркт. Как лопнувшей струной
Мне обагрило слух. Проклятье!..
С тобою были мы как братья.
И жизнью маялся одной.
Друг добрый, не вини меня,
Что ты ушел, а я остался.
Ты не жалел себя, и я
В кустах от жизни не скрывался.
Но каждому из нас свой срок
Судьба отмерила. Кто знает:
Где и меня подстерегает
Последний затяжной прыжок?
Но верю я: в глуби небес
Когда-нибудь в одно сомкнутся
Два облака. И содрогнутся
От грома — поле, реки, лес.

ЗАПРЕТНЫЕ РИФМЫ

Талдычат критики и разные пособия,
Что рифма «кровь — любовь»
свое, мол, отжила,
Соорудив над ней печальное надгробье,
Похожее на два обломанных крыла.
«Морозы — розы» — тоже под запретом.
(Но как ты хороша, когда в морозный
день
Б серебряной пылью ты вся лучишься
светом
И на щеках твоих — пунцовой розы
тень!)
Спасибо, что поэт по имени Мартынов,
На критиков плечу, рифмует вновь
и вновь
И Розы и Любовь —
да так, что в жилах стынет
От благодарных слез вскипающая кровь.